

Научная статья. Исторические науки
УДК 94:327(597+47+57)
DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-292-313

НАЧАЛО НОВОЙ ЭПОХИ – XX СЪЕЗД КПСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Дмитрий Валентинович МОСЯКОВ ¹

¹Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
d.mosyakov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Аннотация: Статья посвящена анализу советско-вьетнамских отношений в период после ухода из жизни И.В. Сталина и прихода к власти в СССР Н.С. Хрущева. Исследуется то, как такая перемена оказала влияние на отношения двух партий и стран. В связи с этим особое значение приобретает исследование так называемой общей позиции социалистических стран на Женевской мирной конференции. Показывается общая неудовлетворенность руководства ПТВ итогами этого форума и их первые конфликты с китайскими и советскими союзниками. В статье также рассматриваются причины негативной реакции вьетнамских коммунистов относительно итогов XX съезда КПСС и выступления там Н.С. Хрущева с критикой культа личности И.В. Сталина.

Особое внимание в рамках изучения общего характера взаимных связей уделяется историческому визиту во Вьетнам А.И. Микояна, который, с одной стороны, так и не убедил своих вьетнамских коллег в правильности критики Сталина, со стороны нового советского руководства, но с другой – своей жесткой и принципиальной позицией в отношении политики ПТВ сумел не только остановить вал репрессий в партии и в стране, существенно изменить модель строительства социализма на селе, но даже добиться отставки генерального секретаря ПТВ. По всей видимости, визит А.И. Микояна был высшей точкой в доверии двух партий и во влиянии КПСС на вьетнамских коммунистов. После его визита и критики, в Ханое приняли решение больше не допускать иностранных эмиссаров к решению своих проблем и взяли курс на решение внутренних вопросов без участия иностранцев и на постепенное отдаление от советских друзей, которые, по мнению вьетнамского руководства, взяли неверный курс в строительстве глобального социализма.

Ключевые слова: СССР, Вьетнам, Женевская конференция, аграрная политика, репрессии, А.И. Микоян, XX съезд, Н.С. Хрущев, доклад, культ личности

Для цитирования: *Мосяков Д.В.* Начало новой эпохи – XX съезд КПСС и его влияние на советско-вьетнамские отношения // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2025, Том 4, № 4 (69). С. 292–313. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-292-313

Original article. Historical science

THE BEGINNING OF A NEW ERA: THE 20TH CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF THE SOVIET UNION AND ITS IMPACT ON SOVIET-VIETNAMESE RELATIONS

Dmitry V. MOSYAKOV¹

¹ Institute of Oriental Studies RAS, Russia, Moscow,
d.mosyakov@ivran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2701-3533>

Abstract: The article analyzes Soviet-Vietnamese relations in the period after the death of Joseph Stalin and the rise to power of Nikita Khrushchev in the USSR. It explores the impact of this change on the relations between the two parties and countries. In this context, the study of the so-called common position of the socialist countries at the Geneva Peace Conference is particularly important. The article highlights the general dissatisfaction of the leadership of the Workers' Party of Vietnam with the outcome of this forum and their early conflicts with their Chinese and Soviet allies. The article also examines the negative reaction of the Vietnamese communists to the results of the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union and Nikita Khrushchev's speech criticizing the cult of personality of Joseph Stalin.

Special attention is paid to the historical visit to Vietnam by A.I. Mikoyan as part of the study of the general nature of mutual relations. On the one hand, he failed to convince his Vietnamese colleagues of the correctness of the new Soviet leadership's criticism of Stalin, but on the other hand, his firm and principled stance managed to stop the wave of repressions in the party and the country, significantly change the model of building socialism in the countryside, and even achieve the resignation of the General Secretary of the PTV. Apparently, A.I. Mikoyan's visit was the highest point in the trust between the two parties and the influence of the CPSU on the Vietnamese communists. After his visit and the criticism, Hanoi decided to no longer allow foreign emissaries to solve its problems and set a course for resolving internal issues without the involvement of foreigners and for gradually distancing itself from its Soviet friends, who, according to the Vietnamese leadership, had taken the wrong course in building global socialism.

Keywords: *Soviet Union, Vietnam, Geneva Conference, agrarian policy, repressions, A.I. Mikoyan, 20th Congress, N.S. Khrushchev, report, personality cult*

For citation: Mosyakov D.V. The Beginning of a New Era: the 20th Congress of the Communist Party of the Soviet Union and its Impact on Soviet-Vietnamese Relations. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2025, T. 4, № 4 (69). Pp. 292–313. DOI: 10.31696/2072-8271-2025-4-4-69-292-313

Смерть И.В. Сталина, последовавшая в марте 1953 года, первое время, казалось, никак не повлияла на доверительный характер советско-вьетнамских отношений. Но события, которые произошли в 1954 г., и, в первую очередь, на Женевской конференции по Индокитаю, показали, что перемены есть и они довольно значительны. В Женеве должны были подвести черту под Первой индокитайской войной и зафиксировать новый баланс и расстановку сил в этом регионе. Союзники вьетнамских коммунистов – Советский Союз, Китай активно в ней участвовали и добились того, что ДРВ получила международно-правовое признание. Это было большим достижением, но, с другой стороны, и потери были крайне ощутимые – коммунисты вынуждены были прекратить войну, временно, до проведения всеобщих выборов в 1956 г., согласиться на существование в Южном Вьетнаме правящего режима абсолютно им враждебного, а также вывести свои войска из Камбоджи и Лаоса. Такие уступки для большинства вьетнамских коммунистов, которые после разгрома французов под Дьенбьенфу почувствовали перспективу полной победы в освободительной войне, были равносильны поражению. «Вьетнамцы, особенно после своей с трудом одержанной военной победы при Дьенбьенфу, не желали раздела Вьетнама, даже если это была бы временная мера», – пишут китайские историки Чень Цзянь и Шень Джихуа¹. Как рассказывал мне И.А. Огнетов, среди части вьетнамского партийного руководства было откровенное разочарование результатами конференции, так как там до последнего верили, что удастся поставить под контроль коммунистов весь Вьетнам. Об этом же сообщает и вышедшая в 1979 г. «Белая книга» о вьетнамо-китайских отношениях, в которой вьетнамское руководство обвинило Китай в предательстве на Женевской конференции, поскольку китайское руководство собиралось поделить Вьетнам по 16-й параллели уже в мае 1954 г.².

При интерпретации этого заявления следует учитывать, что в 1979 г. произошел вьетнамо-китайский вооруженный конфликт и отношения двух государств были максимально враждебны. Но дело было не

только в атмосфере взаимной враждебности, а в том, что после этой конференции и, как считали во Вьетнаме, навязанных Китаем условий, страна вынуждена была вести более чем двадцатилетнюю борьбу за свое объединение с миллионами жертв. Распространенное и сейчас во Вьетнаме мнение, которое я слышал от многих вьетнамских ученых, заключается в том, что «нас остановили именно тогда, когда мы были уже на грани победы». Как считают уже упоминавшиеся китайские историки Чень Цзянь и Шень Джихуа – главные комментаторы рассекреченных китайских архивных документов по Женевской конференции, «уговорить вьетнамцев на раздел страны было очень нелегко». Они же отмечали, что «у молодых вьетнамских коммунистов не было другого выбора, кроме как последовать предложению Пекина и Москвы принять мирное соглашение, которое разделило бы Вьетнам – хотя и временно, как и предполагалось, – вдоль 17-й параллели...». При этом, по их информации, вьетнамские представители пытались возражать, что подтверждают и китайские документы, в которых указывается, что «между китайскими и вьетнамскими товарищами возникали разногласия, а временами и напряженность в определении целей и стратегии их достижения»³. Нет сомнений, что претензии части вьетнамского руководства к Китаю, фактически относились и к позиции Москвы, которая выступала в тандеме с Пекином и, как потом будут говорить мне вьетнамские ученые в Ханое, также «не защищала должным образом вьетнамские интересы».

Такое обвинение выглядит несправедливым, ведь Москва и Пекин добились того, чтобы мир признал ДРВ, и коммунисты получили легитимацию своей власти на Севере. Но также верно и то, что руководству ПТВ действительно пришлось принимать тяжелые решения, ведь по условиям Женевского соглашения по Индокитаю 1954 г., около 100 тыс. уроженцев Юга – участников коммунистических повстанческих отрядов были вынуждены переселиться на Север в ДРВ⁴. Такой крайне неприятный поворот событий, как считали некоторые люди во вьетнамском руководстве, произошел во многом из-за примирительной и компромиссной позиции СССР и Китая. Но это опять несправедливо, так как это была общая позиция, сформулированная на встрече в Москве в апреле 1954 г. В.М. Молотова, Хо Ши Мина и Чжоу Эньлая⁵. Такой компромиссный подход к урегулированию в Индокитае был скорее всего связан с тем, что руководители СССР и КНР опасались повторения войны, которая только что была остановлена в Корее, и совершенно не жаждали возникновения еще одного опасного конфликта с

Америкой и ее союзниками в Индокитае в условиях, когда было еще неясно насколько длительным будет перемирие в Корее.

Поэтому китайские представители в решающий момент переговоров в Женеве оказали прямое давление на вьетнамскую делегацию, заявили, что в случае отказа от подписания ключевого документа конференции, они не смогут открыто предоставлять помощь ДРВ, «так как это противопоставило бы ее остальным народам Юго-Восточной Азии и дало бы американцам возможность создать блок, простирающийся от Индии и до Индонезии»⁶. Вьетнамцы под таким давлением согласились подписать соглашение, по которому они фактически теряли большие зоны контроля на Юге страны и концентрировали свою власть лишь до 17 параллели. В Камбодже местные коммунисты, опиравшиеся на вьетнамские войска, по условиям соглашения не получили никаких зон контроля и вообще оказались брошенными в руки королевского правительства Нородома Сианука, а в Лаосе они также вынуждены были отступить из многих мест и смогли сконцентрировать свои силы только в Самныа – отдаленном районе близ границы с Вьетнамом.

Для многих представителей вьетнамского руководства, особенно выходцев с Юга страны, все это было крайне разочаровывавшие события, так как вынуждали их прекратить вооруженную борьбу и отправиться на Север с неясной перспективой возвращения. Более того, для всех тех, кто в руководстве ПТВ грезил об Индокитайской федерации во главе с Вьетнамом, такие решения, отодвигавшие эти планы в далекую неопределенность, кроме протеста и раздражения ничего иного вызвать не могли.

В связи с этим, можно сказать, что в ходе работы Женевской мирной конференции произошло первое большое разочарование вьетнамских «друзей» в силе мирового коммунизма в возможностях СССР полномасштабно поддерживать и добиваться реализации интересов своих союзников. Они увидели, что их интересы учитываются лишь частично, что есть интересы Москвы в Европе, в выстраивании хороших отношений с Францией, есть очевидное нежелание вступать в конфликт с США и все это для Москвы не менее, а может быть и более важно, чем добиваться полного осуществления собственно вьетнамского интереса, который в реальности отодвигался на периферию советской глобальной политики.

Во Вьетнаме почувствовали ощутимые перемены в Москве с приходом к власти Н.С. Хрущева и решили привлечь внимание нового советского руководства к сложному положению на Севере Вьетнама, с целью получить новые партии советской помощи. Для решения этой

задачи был организован первый официальный визит Хо Ши Мина в Москву, который состоялся с 12 по 18 июля 1955 г. Официально этот визит рассматривался не столько в русле межпартийных, сколько межправительственных связей. Любопытно, что среди встречавших Хо Ши Мина фамилия первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева значилась лишь девятой после М.А. Суслова, которому довелось сопровождать в машине генерального секретаря ЦК ПТВ Чыонг Тиня. Переговоры, как и предполагали в Ханое, оказались успешными, в газете «Известия» отмечалось, что они «продемонстрировали единство взглядов сторон как в международной сфере, так и в политическом, экономическом и культурном развитии отношений между странами». Сообщалось также, что «советское правительство на восстановление и строительство 25 промышленных и коммунальных предприятий, в том числе олово комбината в Каобанге, механического завода в Ханое, рыбоконсервной фабрики в Хайфоне и других объектов, в качестве безвозмездной помощи выделило 400 млн рублей». Вьетнаму предоставлялась помощь еще и в подготовке кадров, проведении геологоразведочных работ и лечебно-профилактических мероприятий. «Оба правительства, – заявлялось в совместном коммюнике, – выражают твердую уверенность в том, что состоявшейся обмен мнениями, несомненно, будет содействовать дальнейшему развитию дружеских отношений между СССР и ДРВ на благо народов обеих стран и послужит интересам укрепления мира и безопасности во всем мире»⁷.

Перед отлетом из Москвы Хо Ши Мин, вполне удовлетворенный визитом, заявил, что «мы твердо верим, что с сегодняшнего дня сотрудничество между советским и вьетнамским народами еще более укрепится, а нерушимая дружба между нами будет все крепче и крепче»⁸. По возвращении вьетнамской делегации из Москвы состоялся Пленум ЦК ПТВ, который указал, что поездка членов партийного руководства во главе с Хо Ши Мином в КНР, МНР и СССР укрепила дружбу с этими странами, подняла международный престиж Вьетнама и показала полное тождество взглядов на международные проблемы⁹.

В Ханое действительно могли быть очень довольны визитом, так как смогли получить согласие СССР оказывать и дальше существенную безвозмездную помощь, что было крайне важно для восстановления и развития экономики ДРВ. В Москве также были довольны результатами визита, рассматривая это как укрепление позиций СССР в Юго-Восточной Азии. «Пребывание вьетнамской правительственной делегации в Советском Союзе, – комментировали «Известия», –

вылилось в яркую демонстрацию нерушимой и все более крепнущей дружбы между советским и вьетнамским народом»¹⁰.

Состоявшийся визит, его атмосфера и его итоги стали свидетельством того, что первый серьезный кризис во вьетнамо-советских отношениях был преодолен, и в Ханое на время смирились с итогами Женевы, тем более что и советская, и китайская помощь бесперебойно поступали в распоряжение ДРВ. Мало кто тогда ожидал в будущем серьезных проблем с вьетнамским руководством, и мало кто предполагал, что именно этот визит на годы останется вершиной взаимного сотрудничества и доверия.

Незапланированный визит А.И. Микояна и Ханой и его значение для двусторонних отношений

Первые черные тучи начали сгущаться над пасторальными картинами взаимных отношений вскоре после триумфального визита вьетнамской делегации в Москву. Масса событий произошла в следующем 1956 году – XX съезд КПСС и речь на нем Н.С. Хрущева о культе личности, незапланированный визит в Ханой А.Н. Микояна, организованный по инициативе советского посла, фактический крах Женевских соглашений из-за отказа южновьетнамского режима проводить выборы – все это создало совершенно новую обстановку и новую атмосферу и во взаимных отношениях, и в коммунистическом мире в целом.

Наиболее значимыми для советско-вьетнамских отношений оказались два взаимосвязанных события – выступление Н.С. Хрущева на XX съезде и неожиданный визит в Ханой крайне влиятельного и авторитетного представителя советского руководства А.И. Микояна. Этот визит требует особого анализа, так как в его ходе произошел уникальный случай – советское руководство, можно сказать, напрямую вмешалось в процессы, протекавшие в стране, и оказало огромное влияние на корректировку всей внутренней политики ПТВ, что привело к смене курса и почти полному прекращению репрессий. Проблема заключалась в том, что из программы аграрных преобразований в Северном Вьетнаме, которую Хо Ши Мин отправил на одобрение И.В. Сталину во время второго тайного визита в 1952 г., как-то исчезло указание советского вождя относительно этапа не социалистической, а народно-демократической революции, происходящей во Вьетнаме. Максимум, что можно было сделать в ее рамках, с точки зрения теории, так это кооперировать сельское хозяйство, причем не насильственно, а добровольно, чтобы крестьяне видели преимущества коллективного труда. Принятая же вьетнамским руководством программа преобразования

аграрного сектора была как будто списана под копирку со сталинской коллективизации в СССР – с конфискацией земли, реквизициями, борьбой за социальную справедливость на селе с опорой на бедных крестьян и разжигания классовой борьбы в деревне и связанных с ней репрессий.

В тексте программы указывалось, что те члены партии, которые занимают позицию сопротивления и двурушничества в осуществлении настоящей программы, и те члены партии, которые не оказывают решительной поддержки крестьянам, а покровительствуют помещикам, – не отвечают званию члена партии трудящихся Вьетнама и должны быть подвергнуты партийному наказанию¹¹. Это партийное наказание на практике оказалось крайне жестоким – людей объявляли врагами народа и партии и не только исключали из ПТВ, но арестовывали и даже расстреливали. За короткое время огромное количество кадровых работников были репрессированы по обвинению в том, что они саботируют радикальные преобразования и выступают, тем самым против политики ЦК ПТВ.

Сам закон о начале преобразований в сельской местности на территории районов, находившимся под контролем правительства ДРВ, был принят в декабре 1953 г., еще до начала Женевской конференции и до освобождения Ханоя. Главный лозунг, под которым проводилась реформа – «землю тем, кто ее обрабатывает» не отличался какой-то оригинальностью – все было также и в СССР, и в Китае. В теории, планировалось добиться этой цели путем безвозмездной конфискации сельскохозяйственных угодий, принадлежавших французам и лояльным им вьетнамским землевладельцам. Однако, на практике, также как это было и в СССР, и в Китае – «что-то пошло не так» и в реальной жизни в категорию помещиков и «врагов» постепенно стали включать крестьян середняков и даже бедняков, высказывавших недовольство новым режимом и его политикой. Жесткость и радикализм земельных преобразований вызвали беспорядки в сельской местности, привели к репрессиям и расстрелам.

По мере роста сопротивления со стороны жителей села и местного руководства, которое старалось противостоять нарастающему хаосу и беспорядкам в сельской местности, центральная власть в Ханое в полном соответствии со сталинской концепцией – усиления классовой борьбы по мере продвижения к социализму, только усиливала давление на крестьян, и с начала 1956 г. в стране стали проводиться широкомасштабные репрессии в отношении противников аграрной реформы, объявленных «врагами социализма». В январе 1956 г. газета «Нян Зан» – официальный орган Партии трудящихся – отмечала, что «класс

крупных земельных собственников не прекратит сопротивления, пока не будет полностью уничтожен». Как и в Китае, во Вьетнаме лозунг момента звучал так: «Лучше десять безвинно погибших, чем один уцелевший враг»¹².

С таким подходом террор быстро распространился на всю территорию ДРВ вплоть до 17 параллели. Причем жертвами его стали не только «социально чуждые» помещики и зажиточные крестьяне, но, по некоторым данным, в ходе проведения аграрной реформы подвергся репрессиям каждый второй член Партии трудящихся. Десятки тысяч людей были арестованы и если смогли избежать расстрела, то у них конфисковывали имущество и направляли в так называемые лагеря по перевоспитанию, условия жизни в которых были настолько тяжелы, что многие там погибали. Политика партийного руководства поддерживалась многочисленными китайскими советниками, направленными в ДРВ в 1953 г. с согласия Советского Союза, которые вызывали страх и ненависть у простых вьетнамцев, так как часто именно они были инициаторами наиболее радикальных и разрушительных перемен¹³.

К 1956 г. террор и преследование классовых врагов приняли настолько глобальный характер, что под маховик репрессий стали попадать не только сельские жители, но и жители городов, в том числе и тысячи членов правящей партии, которые объявлялись «врагами народа». Все эти трагические события объяснялись партийным руководством тем, что необходимо было как можно быстрее провести социалистические реформы, «ускорить» продвижение северной части Вьетнама по пути социализма и показать позитивный пример «южанам»¹⁴.

В этой непростой для Вьетнама ситуации, чреватой полномасштабным кризисом власти, на арену вьетнамской политики выходит посол СССР в ДРВ М.В. Зимянин. Оценив размах репрессий и преследований и их последствий для будущего страны, он решил вмешаться во вьетнамские дела и отправил в Москву на имя Н.С. Хрущева, шифро-телеграмму с описанием всего негатива, который происходил в стране. По свидетельству очевидцев, тот сначала не поверил информации посла, так как вообще относился к М.В. Зимянину с определенным подозрением, связывая его выдвижение в 1953 г. в первые секретари ЦК Компартии Белоруссии поддержкой со стороны Л.П. Берии¹⁵. Есть даже свидетельство, что, прочитав присланный текст, он якобы в запале воскликнул: «Что за ерунду пишет этот мальчишка?». Однако позже, при зрелом размышлении, оценил важность полученной от М.В. Зимянина информации и принял решение, что по завершении визитов А.И. Микояна в страны Южной Азии направить его в Ханой с тем,

чтобы на месте разобраться в ситуации и дать рекомендации вьетнамским товарищам относительно характера и методов строительства социализма¹⁶.

Надо признать, что вся ситуация с непредвиденным приездом во Вьетнам А.И. Микояна и теми важнейшими решениями, которые были приняты руководством страны во время и после его пребывания, огромный эффект от его замечаний и рекомендаций для руководства ДРВ, показывают масштаб его личности и способность убеждать или заставлять людей выполнять свои указания. Так что, вьетнамскому руководству сильно повезло, что с инспекцией к ним прибыл такой выдающийся человек и очень опытный и здравый политик. С другой стороны, вьетнамцам повезло, что послом СССР в ДРВ был М.В. Зимянин – не просто посол-работник МИДа, он уже тогда был известной партийной личностью – видным партийным деятелем, секретарем ЦК Компартии Белоруссии. Фактически его «сослали» в Ханой после ареста Л.П. Берии, так как считали близким к уже расстрелянному «английскому шпиону». Здесь надо отметить, что М.В. Зимянин своим поступком фактически нарушил один из главных принципов, принятого 30 сентября 1954 г. «Указания послу СССР в Демократической Республике Вьетнам», где в одном из пунктов указывалось, что в своей повседневной работе «посол и работники посольства не должны вмешиваться во внутренние дела страны пребывания, своим поведением не должны давать повода к истолкованию их роли как представителей руководящей страны и должны твердо придерживаться норм дипломатического протокола»¹⁷.

Оказавшись во Вьетнаме, а это, скорее всего, был не самый плохой выход из сложившейся вокруг него ситуации, М.В. Зимянин рассматривал происходившие там репрессии и террор не как дипломат, которым он никогда не был, а именно как партийный работник, и реагировал там, где карьерный дипломат, исходя из указаний центра, просто бы ничего не замечал. Не будь его шифро-телеграммы в Москву, где он настаивал на том, что Н.С. Хрущеву следует немедленно вмешаться, еще неизвестно как развивались бы события дальше. Его доводы оказались настолько убедительны, что вынудили Н.С. Хрущева действительно вмешаться и направить А.И. Микояна в Ханой для разбирательства и разъяснительных бесед. После них, как мы увидим дальше, и аграрная программа реформ в своем первоначальном виде была свернута, и репрессии против членов партии сократились до минимума. Пребывание А.И. Микояна в Ханое оказалось настолько важным и для настоящего Вьетнама, и для его будущего, и для его отношений с СССР, что

следует остановиться на нем особо, тем более что вновь открытые документы позволяют это сделать.

Формально, главным вопросом визита советского представителя должно было стать разъяснение вьетнамским товарищам решений, принятых на XX съезде КПСС, относительно развенчания культа личности И.В. Сталина. Эта тема для Вьетнама была в то время очень актуальной и острой, так как решения XX съезда КПСС о культе личности Сталина и незаконных репрессиях вызвали у руководства ДРВ, как, впрочем, и у руководства многих других коммунистических партий, настоящий шок. Ведь под вопрос была поставлена основная идеологическая доктрина, способы и методы продвижения к «светлому будущему», а всеми почитаемый, непререкаемый вождь мирового коммунизма И.В. Сталин объявлялся жестоким тираном, лично отправившим на смерть тысячи людей. Как выходить из такой ситуации было непонятно, так как осуждать, или начинать дискуссию и противостоять Н.С. Хрущеву и КПСС – это было контрпродуктивно и для интересов ПТВ и Вьетнама в целом.

Перед приездом А.И. Микояна в Ханое рассчитывали получить разъяснения советской стороны и, соответственно, задать встречные вопросы относительно доклада Н.С. Хрущева, так как довольно краткого сообщения Генерального секретаря ЦК ПТВ Чыонг Тиня, который присутствовал на съезде в Москве и выступал с приветствием, было явно недостаточно. Вьетнамское руководство хотело получить информацию, что называется «из первых рук» – непосредственно от А.И. Микояна, одного из ближайших к Н.С. Хрущеву людей, который в это время фактически служил эмиссаром советского лидера, много передвигался по миру и разъяснял позицию первого секретаря ЦК КПСС и позицию партийного руководства СССР по всем неожиданно возникшим после XX съезда спорным вопросам.

В Ханое А.И. Микояна особенно ждали, так как он явно симпатизировал Вьетнаму, был лично знаком с Хо Ши Мином, участвовал в его приеме в Москве во время тайного визита вьетнамского лидера в 1950 г. Было известно также, что в узком кругу он якобы неодобрительно отзывался о том, что Сталин «заставил» Хо Ши Мина, несмотря на возражения, пойти на переименование коммунистической партии Индокитая в Партию трудящихся Вьетнама. Нет сведений о том, контактировали ли А.И. Микоян и Хо Ши Мин во время второй секретной поездки Хо Ши Мина в СССР, осенью 1952 г., в дни работы XIX съезда КПСС, но летом 1955 г., во время третьего, уже официального визита

президента ДРВ в Москву, они встречались, оговаривая перспективы и возможности советской экономической помощи¹⁸.

В Ханой А.И. Микоян прибыл 2 апреля 1956 г., по свидетельству очевидцев, уставший и сильно раздраженный и сразу по приезду у него произошла крайне неприятная сцена, по словам М.В. Зимянина у него с Микояном «был спор, даже ругань»¹⁹. Думается, что причина раздражения посланника Москвы заключалась не только в том, что из за информации М.В. Зимянина ему продлили и без того утомительную заграничную поездку, а с 20 марта он находился в постоянном движении – посетил Афганистан, Пакистан, Индию и Бирму и вместо Москвы неожиданно для себя вынужден был лететь в Ханой, а потом еще и в Пекин, но и в том, что на тот момент он не имел полной информации о ситуации в ДРВ и ПТВ, и, скорее всего, полагал, что М.В. Зимянин сильно преувеличил масштабы происходивших во Вьетнаме чисток. Внеплановый визит в столицу ДРВ стал неприятным дополнением к его и так крайне интенсивной программе.

Однако, после того как М.В. Зимянин в спокойной обстановке доложил ему о реальной ситуации в стране и в ПТВ, о том, что масштабы репрессий и недовольство людей действиями партийных функционеров просто зашкаливают, конфликт с послом был исчерпан и А.И. Микоян понял, что его вмешательство в происходящие процессы крайне необходимо. Как опытейший партийный работник сталинской закалки, он быстро вник в ситуацию, сформулировал план и задачи своего пребывания. При этом, первое, что он сделал – попросил Хо Ши Мина пригласить в Ханой представителя руководства КПК с тем, чтобы вместе с ним совместно обсудить действия вьетнамских товарищей. Это был хорошо продуманный, выверенный шаг, так как А.И. Микоян прекрасно понимал, что впереди сложные дискуссии с вьетнамскими друзьями, фактически вмешательство в их внутренние дела и он хотел разделить при этом ответственность с китайскими соратниками, которые в случае их отсутствия при анализе и критике политики ПТВ, могли неправильно понять цели и задачи его визита. Кроме того, лидеры КНР, по соглашению с Москвой, выступали главными кураторами своих вьетнамских единомышленников, и советский эмиссар хотел добиться того, что рекомендации для корректировки внутренней политики ПТВ исходили бы из общего советско-китайского центра, отражая их общую позицию.

Вскоре из Пекина прилетел один из главных экономистов Компартии Китая, первый заместитель премьера Госсовета КНР Чэнь Юнь и два руководителя совместно приступили к изучению ситуации, с

целью помочь вьетнамским товарищам исправить допущенные ошибки. Обсуждение ошибок и поиск их исправления происходили на специально созданных закрытых заседаниях политбюро ЦК ПТВ, где присутствовало все высшее руководство партии. Получилась довольно странная ситуация – как будто руководство ПТВ держит что-то вроде экзамена и отчитывается за свои действия перед старшими товарищами из Москвы и Пекина. Кстати, такой ситуации больше вьетнамская партия никогда не допускала.

На первом заседании, согласно телеграмме, отправленной в Москву из Ханоя, и советский, и китайский представители решили выступать с «единой линией по вопросам развития вьетнамской революции»²⁰. Выражая совместную точку зрения, Чэнь Юнь заявил, что вьетнамским товарищам не следует перепрыгивать через необходимые этапы развития своей страны, и при этом сослался на высказывание Мао Цзэдуна: «Надо поменьше говорить о социализме, а побольше делать». Затем слово с вьетнамской стороны взяли генеральный секретарь ЦК ПТВ Чыонг Тинь и министр обороны Во Нгуен Зиап, который тогда был в зените своего влияния. Они, исходя из логики обсуждения политики ПТВ, постарались объяснить своим соратникам из СССР и Китая как и почему и зачем они все делали. А.И. Микоян, на основе их разъяснений сделал вывод, что у них имелась «склонность форсировать строительство социализма»²¹.

На следующий день прошло второе заседание политбюро ЦК ПТВ, посвященное уже не вопросам внутренней политики и аграрной реформы, а действиям руководства ПТВ на внешнем контуре. А.И. Микоян и Чэнь Юнь указали своим северо-вьетнамским коллегам на необходимость «усиления экономических и культурных связей с Южным Вьетнамом и всяческого укрепления там влияния ДРВ». Советский и китайский представители поддержали намерения руководства ДРВ улучшить отношения с соседней Камбоджей, поскольку Советский Союз после визита в Москву лидера этой страны Нородома Сианука в 1955 г., установил дипломатические отношения и подписал многочисленные соглашения об оказании помощи. Относительно Лаоса А.И. Микоян посоветовал вьетнамским товарищам «внимательно разобраться в обстановке» и действовать так, чтобы избежать обвинений мирового сообщества в нарушении Женевских соглашений 1954 г. в части, касавшейся этого государства²².

Заседания Политбюро ЦК ПТВ с участием А.И. Микояна и Чэнь Юня шли одно за другим, причем документы показывают, что их проведение сопровождалось дискуссиями и не являлось, что называется

«улицей с односторонним движением», когда российский и китайский представители «ставят на место» забежавших вперед в строительстве социализма вьетнамских друзей. Нет, судя по документам, шло напряженное обсуждение, когда и советскому представителю задавали крайне острые вопросы, и уже он вынужден был объяснять те или иные шаги Н.С. Хрущева. Так, например, в ходе работы пятого заседания руководители ДРВ попросили «дополнительные разъяснения» по следующим вопросам: почему Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду не содержал критики в адрес самого ЦК КПСС, известны ли были раньше ошибки Сталина членам ЦК и неужели нельзя было найти возможности своевременно их исправить? Хо Ши Мин заявил, что ввиду большого авторитета И.В. Сталина — всё это трудно разъяснить членам Партии трудящихся. «После моих разъяснений, подчеркнул А.И. Микоян, Хо Ши Мин и другие члены Политбюро заявили, что им все ясно, и они удовлетворены этими разъяснениями»²³.

Завершал визит А.И. Микояна пленум ЦК ПТВ, на котором были подведены итоги дискуссии, определены позитивные и негативные тенденции в деятельности ПТВ. Рекомендации высоких гостей были в целом приняты и подтверждением этого стало то, что Хо Ши Мин в своем выступлении заявил, что «мы должны выполнить государственный план, восстановить экономику и начать развивать культуру», а также «бороться на основании Женевских соглашений за объединение нашей страны мирным путем»²⁴. Все эти тезисы полностью совпадали с тем, к чему призывали своих вьетнамских единомышленников А.И. Микоян и Чэнь Юнь.

На пленуме ЦК А.И. Микояну вновь уже при существенно более широкой аудитории, чем раньше, пришлось подробно отвечать на крайне неприятные для него вопросы по решениям XX съезда, которые задали ему Хо Ши Мин и Во Нгуен Зиап. При этом они как бы проигнорировали Генерального секретаря ЦК ПТВ Чыонг Тиня, хотя тот как раз и возглавлял вьетнамскую делегацию на XX съезде. Сам же Чыонг Тинь никак не комментировал эти вопросы, понимая, видимо, что именно его объявят виновником совершенных партией «ошибок» и «забегания вперед» в строительстве социализма. После пленума он будет снят с поста Генсека, но в опале будет недолго, оставшись до конца жизни крайне влиятельным и авторитетным партийным деятелем.

Нельзя не отметить, что на пленуме, пожалуй, впервые, вьетнамские товарищи позволили себе открыто критиковать своих советских соратников по борьбе за социализм. Хо Ши Мин и Во Нгуен Зиап заявили, что «доклад Первого секретаря ЦК КПСС о культе личности

явился для всех большой неожиданностью, он был сделан без предварительной подготовки, что застало врасплох многих руководителей и рядовых коммунистов Вьетнама и вызвало недопонимание». Они также обратились к А.И. Микояну с просьбой рассказать о реакции в самом СССР на доклад о культе личности и почему этот документ не носил сбалансированный характер, почему были приведены только отрицательные стороны деятельности Сталина и опущены положительные? Они также поинтересовались о том «были ли известны членам политбюро ЦК КПСС ошибки Сталина или стали известны только теперь?» как могло случиться, что «многое из содержания этого доклада было опубликовано в буржуазной прессе еще до того, как товарищи из ДРВ получили этот доклад?». «Они сомневаются, – писал далее Микоян в своей телеграмме в Москву, – и просят совета, можно ли переводить этот доклад на вьетнамский язык»²⁵.

Все эти неприятные советскому гостю вопросы от наиболее влиятельных личностей в ПТВ, возможно являли собой их завуалированный ответ на его руководящие указания по корректировке аграрной реформы и остановке политических репрессий. В то же время их можно рассматривать и как явный вызов Москве, свидетельство того, что в Ханое вьетнамские товарищи чисто формально соглашались с позицией КПСС, а на деле – совсем не одобряли публикацию доклада о развенчании «культа личности» И.В. Сталина. В этом, кстати, они оказались в одном лагере с Албанией, Румынией, КНР, КНДР, и Монголией, где доклад также отказались публиковать²⁶.

На самом деле, в руководстве ПТВ явно осуждали и само содержание, и форму подачи доклада Н.С. Хрущева, когда утечки из него оказались на Западе еще до того, как КПСС направило его братским коммунистическим партиям. В Ханое не могли понять, как можно было одномоментно без консультаций с соратниками и друзьями превратить обще признаваемого и уважаемого вождя мирового коммунизма в чуть ли не злобного уголовника, посвятившего все свое время борьбе за власть с безвинными соратниками по партии. Для вьетнамского руководства и особенно для Хо Ши Мина было понятно, что все эти обвинения наносили серьезный вред делу мирового коммунизма и никак ему не помогали. Более того, для вьетнамского лидера, который несколько раз встречался и беседовал с И.В. Сталиным, прекрасно представлял сложность ситуации в СССР в 30-е годы, это было особенно неприятно. Для него не было секретом, что многие доводы и примеры, приведенные Н.С. Хрущевым в своем докладе были очевидной неправдой и явной предвзятостью. И в этом он был не одинок. Так, например,

Гровер Ферр, профессор университета Монтклер (*Montclair State University*), из Нью-Джерси, специально исследовавший доклад в своей монографии «Антисталинская подлость» отмечал, что «из всех утверждений «закрытого доклада», напрямую «разоблачающих» Сталина, не оказалось ни одного правдивого. Точнее, среди всех тех из них, что поддаются проверке, лживыми оказались все до единого»²⁷.

Вполне вероятно, что американский исследователь несколько преувеличил и в докладе все-таки были факты, свидетельствовавшие о том, что «вождь народов» являлся одним из главных организаторов репрессий в СССР, но много было и от хрущевского субъективизма, и антисталинских фантазий, которые скорее работали не против, а за Сталина. И многие коммунисты, и члены руководства братских партий прекрасно видели неубедительность многих положений доклада Н.С. Хрущева. Анализируя сегодня вопросы, заданные вьетнамскими товарищами А.И. Микояну, понимаешь, насколько глубокие разногласия в мировой коммунизм внесло выступление Н.С. Хрущева. Ведь именно с этого спонтанного во многом, вызванного личными субъективными обстоятельствами доклада и начался реальный кризис мирового коммунизма, появление, с одной стороны, маоизма, как ортодоксального марксизма в понимании Мао Цзэдуна, и очевидного, и как мне представляется, неосознанного ревизионизма, который стал «знаменем» Н.С. Хрущева в его отходе от базовых марксистских истин о мировой революции, о роли восстания как пути к власти, о возможности мирной конкуренции социализма и коммунизма. В Европе появился и так называемый евро-коммунизм, как форма уже открытого оппортунизма и конвергенции социализма в западный либерализм.

Негатив от выступления Н.С. Хрущева заключался еще и в том, что тысячи веривших в идеалы социализма людей, узнав обо всех этих разоблачениях, вышли из состава Компартий по всему миру. Более того, внутри многих партий развернулись глубокие внутренние конфликты, серьезно их ослабившие, а некоторые компартии вообще оказались на грани распада и практически потеряли какое-либо влияние на ситуацию в своих странах.

Вьетнамское руководство вполне ясно понимало весь этот негатив и заняло позицию негласной критики деятельности Первого секретаря ЦК КПСС. Вьетнамский политолог Ву Тьонг утверждал, что в 1957 г. «лидеры ДРВ идеологически и политически были готовы встать на сторону Пекина – и выступить против осуждения Хрущёвым своего предшественника Сталина – в ущерб их стараниям получить большую материальную помощь от Советского Союза». Он отмечал, что

вьетнамская партия была не единственной коммунистической партией, которая защищала Сталина. Тем не менее то, что она защищала ушедшего из жизни лидера, рискуя оттолкнуть его преемника, является явным свидетельством в пользу того, что в то время идеологическая лояльность перевешивала практические интересы»²⁸.

В конце 50-х – начале 60-х оппозиция курсу Н.С. Хрущева со стороны вьетнамских коммунистов будет только нарастать и руководство ПТВ выступит и против одностороннего поворота Москвы к политике мирного сосуществования с Западом, и к переоценке им важности выборов процедур для прихода к власти коммунистов, и недооценке фактора вооруженной борьбы. Сам Хо Ши Мин в январе 1957 г. в ответ на вопрос советского дипломата о его мнении по вопросу о преодолении культа личности Сталина заявит, что «разногласия между компартиями не нужно выносить на международную арену. Что касается деятельности Сталина, то... на 70% его действия носили положительный характер, и только 30% составляли ошибки»²⁹.

Следует признать, что в присутствии А.И. Микояна, он этого не сказал, осознавая важность сохранения тесных контактов и помощи от СССР. Но это скорее говорит о его прагматизме, о том, что его согласие с доводами А.И. Микояна носило во многом притворный характер. Один из французских исследователей этого периода – Пьер Асселин (Pierre Asselin), отмечал, что «она [ПТВ], как минимум, должна была притворяться лояльной», учитывая зависимость Северного Вьетнама от политической и материальной поддержки Москвы³⁰.

Это абсолютно справедливое суждение, так как кроме идеологии и политики в ходе визита А.И. Микояна были обсуждены и вопросы экономики, особенно в плане развития сотрудничества, а точнее – оказании помощи Вьетнаму со стороны СССР. «К концу заседания, – сообщал в своем послании в Москву А.И. Микоян, – Хо Ши Мин сказал, что советская безвозмездная помощь (в рамках соглашений, им подписанных во время визита в Москву в 1955 г. – Д.М.) фактически исчерпана. Они будут нуждаться в помощи и в дальнейшем. Они, конечно, предпочли, чтобы и в последующем она была бы безвозмездной, но если это будет затруднительно, то просили бы в виде возвратного кредита.... Я сказал, – отмечал в своем послании в Москву А.И. Микоян, – что мы считали, что после полученной от нас и других стран такой большой безвозмездной помощи они должны были стать на ноги и в дальнейшем обойтись без помощи. На это они заявили, что, к сожалению, обойтись без дальнейшей помощи не смогут»³¹.

Удивление А.И. Микояна просьбами вьетнамских друзей о новом пакете экономической помощи можно понять. Ведь только год назад, 23 мая 1955 г., на заседании Президиума ЦК КПСС, проходившего, между прочим, под председательством Н.С. Хрущева, было принято решение «Об оказании Союзом ССР безвозмездной помощи в восстановлении экономики Демократической Республики Вьетнам». На этом заседании был утверждён проект постановления Совета министров СССР по данному вопросу. Было решено обязать Министерство внешней торговли приступить к отправке в ДРВ товаров, предусмотренных для удовлетворения неотложных нужд народного хозяйства и населения, не дожидаясь официального подписания соглашения³². Времени с того исторического решения прошло меньше года, а выделенные деньги – 300 млн рублей, из которых 175 млн должны были пойти на восстановление и строительство 25 промышленных и коммунальных предприятий, а остальные 125 млн – на поставку товаров для удовлетворения неотложных нужд народного хозяйства и населения³³, все уже были потрачены вьетнамскими друзьями. Такое быстрое исчезновение очень значительной суммы финансовой помощи не могло не удивить А.И. Микояна. Но новым пакетом экономической помощи пожелания друзей совсем даже не исчерпывались. «Товарищ Зиап, – отмечал А.И. Микоян, – затронул вопрос о помощи поставкой из СССР вооружения, которое не производится в КНР. Я ответил, что их заявка рассматривается в Москве, но пока не закончена»³⁴.

Весь диалог двух сторон по экономике показывает очевидное раздражение А.И. Микояна, который, будучи заместителем председателя правительства СССР, прекрасно представлял какие сложности переживает советская экономика и как эти средства могли бы быть использованы внутри страны. Он совершенно не желал, чтобы помощь Вьетнаму превратилась в «черную дыру», куда бы уходили так необходимые для самого СССР средства.

Поводя итог обсуждению экономических вопросов Хо Ши Мин как будто почувствовал настроение советского гостя и уже не говорил о новой помощи, наоборот, указал, что «актуальная задача партии состоит в том, чтобы добиться выполнения государственного плана, восстановить экономику и начать развивать культуру», а также «бороться на основании Женевских соглашений за объединение нашей страны мирным путем». Все это, как справедливо отмечал И.Н. Селиванов, «соответствовало тому, чего добивался А.И. Микоян от ПТВ, настаивая именно на таких формулировках»³⁵.

В связи с этим очевидно, что давление, которое оказывал на вьетнамское руководство А.И. Микоян, сработало, и вьетнамские товарищи фактически согласились с его корректировками целей и задач партии. Но, с другой стороны, будущие события показывают, что это согласие было временным, а может быть даже притворным, что друзья не хотели обострять отношения с Москвой, тем более что им требовалась новая порция помощи – как в строительстве национальной экономики, так и в перевооружении вооруженных сил. Но, в любом случае, вся эта история, когда партийное руководство вынуждено было принять внешнее вмешательство и в определенном смысле с ним согласиться, впоследствии воспринимались достаточно остро и порождало определенное недоверие в двусторонних отношениях, когда вьетнамские товарищи все время стремились показать свою независимость и самостоятельность и во внутривнутрипартийных, и в делах двусторонних межгосударственных отношений.

Интересно, но и в Советском Союзе о визите А.И. Микояна и о событиях с ним связанных тоже старались не вспоминать и тем более не напоминать о них вьетнамцам. На долгое время все что с ним было связано стало абсолютно закрытой, засекреченной информацией. Официально было сказано лишь то, что во время пребывания первого заместителя председателя Совета министров СССР во Вьетнаме «ленинские положения XX съезда КПСС еще больше сплотили социалистические страны еще больше укрепили их братскую дружбу и взаимное доверие»³⁶. Еще говорилось, что «советские представители были тепло встречены... ознакомились с жизнью населения ДРВ ... внесли важный вклад в дело укрепления советско-вьетнамских отношений»³⁷. И это было все.

Читая сегодня то, что писалось открыто в советской прессе и даже в книгах, вышедших через двадцать или даже тридцать лет после визита, и сравнивая это с тем, что происходило в советско-вьетнамских отношениях на самом деле, просто удивляешься, как можно было на протяжении десятилетий формировать историю как бы в двух реальностях. Одна – тайная, где принимались ключевые решения, существовали проблемы и противоречия, и другая, подчас абсолютно фантомная, выдуманная, где позитив сильно преувеличивался, а негатива практически не существовало.

При всех отрицательных моментах визита советского представителя для будущего взаимных отношений нельзя не подчеркнуть главное – опытный А.И. Микоян сумел изменить ситуацию в стране и в партии, заставил вьетнамское руководство в целом переосмыслить

свою политику. Я полагаю, многие вьетнамские коммунисты, да и простые вьетнамцы, обязаны ему жизнью. Ведь во Вьетнаме не было никого, кто мог взять и заявить, что в ДРВ исключено из партии 40 тыс. человек. А далее задать вопрос партийным руководителям – «а нет ли перегибов при таком масштабе исключений?», поскольку «это может усилить лагерь противников демократической власти». Вопрос о перегибах был серьезнейшим обвинением в рамках коммунистической риторики, за которым обязательно должны были последовать оргвыводы. Фактически, советский гость прямо обвинил руководство ПТВ в неоправданных репрессиях. Такую критику мог произнести только А.И. Микоян, так как за тот же самый вопрос любой вьетнамский партийный деятель в одно мгновение превратился бы во врага народа со всеми известными последствиями для его жизни.

А.И. Микоян явно ощущал себя в определенной степени еще и «наставником» вьетнамских товарищей. В своем докладе перед руководством ПТВ он обратил внимание на то, что вьетнамские руководители в своих выступлениях и периодической печати «много шумят о подавлении саботажа и подрывных элементов». Он дал им совет: «саботаж подавлять и подрывные элементы ликвидировать, но об этом не кричать, ибо это может быть использовано на юге Вьетнама против демократических элементов и членов Партии трудящихся. Кроме того, это может создать неуверенность в крепости режима». По словам Микояна, «вьетнамские товарищи согласились с этими замечаниями»³⁸.

Действительно, согласие с его основными тезисами было продемонстрировано, но директивная форма «советов» со стороны посланника Москвы не могла не вызвать определенного протеста среди руководства и членов ПТВ и даже предубеждения относительно целей его приезда. Позже все это породило много проблем во взаимных отношениях, особенно в плане откровенности, доверительности и глубины обсуждаемых вопросов в рамках взаимных связей ПТВ и КПСС. Но факт остается фактом – после его визита масштабы репрессий, особенно внутри партии, самым существенным образом были сокращены, и многие коммунисты были выпущены из тюрем и реабилитированы.

Высшей точкой визита А.И. Микояна явился пленум ЦК ПТВ, на котором после признания совершенных ошибок был снят со своего поста Генеральный секретарь ЦК ПТВ Чыонг Тинь, который взял на себя критику А.И. Микояна и Чэнь Юня. Новым лидером партии избрали Ле Зуана – не имевшего прямого отношения к репрессиям, поскольку в разгар аграрной реформы и связанных с ней преследований, он находился на нелегальной работе в Южном Вьетнаме. Свой пост Ле Зуан

занимал потом вплоть до своей смерти в июле 1986 г., после чего престарелый Чыонг Тинь, вновь был избран генеральным секретарём ЦК КПВ, вернувшись через тридцать лет на пост, с которого его «ушли» в 1956 г. В такой рокировке, естественно, можно увидеть мощный заряд символизма, признание того, что снятие Чыонг Тиня, на самом деле, противоречило настроениям правящей верхушки, но понадобилось тридцать лет – целая жизнь, чтобы восстановить статус-кво.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

МОСЯКОВ Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Центром Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании ИВ РАН, Москва, Россия

Статья поступила в редакцию 09.10.2025;
одобрена после рецензирования 31.10.2025;
принята к публикации 30.11.2025.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry V. MOSYAKOV, DSc (History) Professor, Senior Researcher, Head of the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia

The article was submitted 09.10.2025;
approved 31.10.2025;
accepted to publication 30.11.2025.

¹ Шубин А.В. Женевская конференция 1954 г. кто выиграл? // Новая и новейшая история. Том 67, № 6, 2023. С. 122-135. DOI: 10.31857/S013038640026798-5.

URL: <https://nni.jes.su/s013038640026798-5-1/>

² Правда о вьетнамо-китайских отношениях за последние 30 лет. [Ханой]: М-во иностр. дел СРВ, 1979. С. 12.

³ Шубин А.В. Женевская конференция 1954 года. Кто выиграл?

⁴ Neale J. A People's History of the Vietnam War. N.Y.: The New Press, 2003. P. 65.

⁵ Исаев М.П., Чернышев А.С. Советско-вьетнамские отношения. Москва: Мысль, 1975. С. 98.

⁶ Исаев М.П., Чернышев А.С. Советско-вьетнамские отношения. С. 98.

⁷ Правда, 19 июля 1955.

⁸ Правда, 19 июля 1955.

⁹ Демидов В.В. Хо Ши Мин и советская страна // Халықаралық қатынастар және халықаралық құқық сериясы №1 (89). 2020. <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2020.v89.i1.03>

¹⁰ Известия, 18 июля 1955.

¹¹ РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 1157, л. 175-177; Москва - Хо Ши Мин. Контакты в 1950-1952 гг. / примеч. И. Н. Селиванова. - (Политический архив XX века) // Вопросы истории. - 2012. № 8. С. 3-13.

¹² Вьетнамский коммунизм: репрессии, коллективизация и концлагеря. 15.10.2018. URL: <https://antisovetsky.livejournal.com/101315.html>

¹³ «Черная книга» коммунизма. М., Три века истории, 2001. С. 526-529; Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС // Азия и Африка сегодня, № 9, 2013. С. 60.

¹⁴ Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС. С. 60.

¹⁵ «Шаги, предпринятые Берия по отношению ко мне, были провокационными». URL: <https://diletant.media/articles/35239065/>

¹⁶ Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС. С. 61; Бублеев М. Из поколения победителей (биография М.В. Зимянина) М., Голодец, 2007. С. 35.

¹⁷ Бухаркин И.В. Кремль и Хо Ши Мин. 1945-1969 гг. (1998). URL: <https://rabkrin.org/buharkin-i-v-kreml-i-ho-shi-min-1945-1969-gg-1998-statya/>

¹⁸ Конорева И.А., Селиванов И.Н. Тайные поездки дядюшки Хо. Вьетнамский лидер в Москве (1950-1952) // Родина. 2008. № 7. С. 120-124.

¹⁹ Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. Том 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., РОССПЭН, 2004. С. 36.

²⁰ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 101.

²¹ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 102.

²² ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 105 ; Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС. С. 60.

²³ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 117.

²⁴ Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС. С. 63.

²⁵ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 116 ; Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС.

²⁶ Ложь транзитом. К 65-летию «несекретного» доклада Хрущёва // Военное обозрение. 19.03.2021. URL: <https://topwar.ru/180921-lozh-tranzitom-k-65-letiju-nesekretnogo-doklada-hruscheva.html>

²⁷ Ложь транзитом. К 65-летию «несекретного» доклада Хрущёва ; Гровер Ферр. Тени XX съезда, или Антисталинская подлость. Москва : Эксмо : Алгоритм, 2010. - 461.

²⁸ Пат К. Экономическая и техническая помощь Китая и СССР Северному Вьетнаму, 1955–1960» // Вьетнамские исследования, 2021, №2.

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-i-tehnicheskaya-pomosch-kitaya-i-sssr-severnomu-vietnamu-1955-1960/viewer>

²⁹ Запись беседы А. Попова с Хо Ши Мином. – АВП РФ, Ф. 079, Оп. 12, П. 17, Д. 5, Л. 1. ; Бухаркин И.В. Кремль и Хо Ши Мин. 1945-1969 гг. (1998).

³⁰ Pierre Asselin. Hanoi's Road to the Vietnam War, 1954–1965. Berkeley, CA: University of California Press, 2013. Pp. 35–36.

³¹ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 116 ; Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС.

³² РГАНИ, Ф. 3. Оп. 10. Д. 143. Л. 1.

³³ РГАНИ, Ф. 3. Оп. 10. Д. 143. Л. 92–93.

³⁴ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 117-118.

³⁵ Селиванов И.Н. Трудный диалог после XX Съезда КПСС. С. 63.

³⁶ Исаев М.П., Чернышев А.С. Советско-вьетнамские отношения. С. 118.

³⁷ Исаев М.П., Чернышев А.С. Советско-вьетнамские отношения. С. 118.

³⁸ ГАРФ, Ф. 5446, Оп. 98 с., Д. 704, Л. 118.